Научная статья
УДК 811.161.1+811.131.1

Сравнительно-сопоставительная характеристика мультипликативных глаголов в русском и итальянском языках

А. В. Лентовская

Пизанский университет, Пиза, Италия
anna.lentovskaya@unipi.it

Аннотация. В статье в итальянско-русской паре языков рассматриваются мультипликативные глаголы (*mordere – кусать*) в противопоставлении лексическим единицам, относимым к внутрисобытийному типу предикатной множественности (*morsicchiare – покусывать*). Анализируются русские глаголы-«свертки» (*курнуть*), разговорные и сленговые формы (*читануть*), и сопоставимые с ними итальянские конструкции с отглагольными существительными на ***-ata*** (*mangiucchiata*), которые конкурируют с семельфактивными перфективными формами. Целью работы является сопоставительное описание глаголов и других лексических единиц с мультипликативной и семельфактивной семантикой.

Ключевые слова: предикатная множественность, мультипликативы, семельфактивы, nomina vicis, итальянский язык

Для цитирования: Лентовская А. В. Сравнительно-сопоставительная характеристика мультипликативных глаголов в русском и итальянском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 68–75.

Original article

Contrastive Analysis of Multiplicative Verbs in Russian and Italian

Anna V. Lentovskaya

University of Pisa, Pisa, Italy
anna.lentovskaya@unipi.it

Abstract. The article analyzes multiplicative verbs (*mordere – to bite*) in Italian-Russian language pairs in contrast to lexical units belonging to the internal-event type of pluractionality (*morsicchiare – to nibble*). We analyze Russian verbs-“convolutions” (*kurnut’ – smoke*), colloquial and slang forms (*chitanut’ – read*), and comparable Italian constructions with ***-ata*** verbal nouns (*mangiucchiata*), which compete with semelfactive perfective forms. The aim of the study is a comparative description of verbs and other lexical units with multiplicative and semelfactive semantics.

Keywords: pluractionality, multiplicative, semelfactive, nomina vicis, Italian

For citation: Lentovskaya, A. V. (2024). Contrastive analysis of multiplicative verbs in Russian and Italian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 68–75. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

При описании глагольной (предикатной) множественности в целом ряде специальных исследований [Cusic, 1981; Храковский, 2012; Шлуинский, 2006] формулируется противопоставление между внутрисобытийной и внесобытийной предикатной множественностью, т. е. между «мультипликативным» и «итеративным» типами предикатной множественности[1]. В случае внесобытийной множественности имеется в виду, что отдельные друг от друга ситуации, каждая из которых имеет собственную начальную и конечную точку, повторяются в отдельные периоды времени. Напротив, внутрисобытийная множественность подразумевает осуществление в единый промежуток времени одного события, которое по своей внутренней структуре является многократным повторением сходных друг с другом фаз. В частности, выделяя отдельное акциональное значение «мультипликативный процесс» (МР), С. Г. Татевосов руководствуется четкими критериями отграничения мультипликативности от дистрибутивности – мультипликативность, как было сказано ранее, подразумевает идентичность участников, задействованных в каждой из подситуаций, и от итеративности – мультипликативная интерпретация должна быть доступна в составе минимальной клаузы [Татевосов, 2016]. Необходимость данных уточнений обусловлена тем, что, по результатам целого ряда типологических исследований, значения, относимые к внутрисобытийному типу предикатной множественности, не исчерпываются мультипликативом, т. е. описанием серии единичных одинаковых квантов события, следующих во времени один за другим, ср.: *Когда я вошел в ванную, вода капала из крана*.

В частности, в работах А. Б. Шлуинского помимо мультипликатива описаны еще три частных типа значений, относящихся к внутрисобытийному типу предикатной множественности, – дупликатив (*Преподаватель сидел за столом и все время снимал свои очки*), альтернатив (*Мальчик ездит по двору на велосипеде*), дисконтинуатив (*Вася посматривает в окно*) [Шлуинский, 2006].

Важнейшей характеристикой, объединяющей примеры А. Б. Шлуинского, является то, что для всех данных значений, в отличие от мультипликатива, исходным является значение единичной ситуации. В свою очередь, подлинно мультипликативными следует считать такие ситуации, единичные кванты которых также могут получить языковое выражение – при помощи семельфактивных глаголов, как в русском языке, или при помощи перфективных форм, которые, будучи образованы от мультипликативных глаголов, могут иметь семельфактивное значение (см. итальянский пример 1):

1. *Gianni ha tossito* – **a.** Джанни кашлянул;
   b. Джанни покашлял.

Здесь мультипликативный глагол в перфективе может иметь как семельфактивное значение, соответствующее реализации единичного кванта мультипликативной ситуации (1a), так и мультипликативное значение, соответствующее ограниченному во времени осуществлению мультипликативной ситуации (1b).

В данной статье предполагается проанализировать специфические характеристики мультипликативных и семельфактивных глаголов в итальянском и русском языках.

Таким образом, задачи исследования заключаются в следующем:

1) уточнить интерпретацию итальянских глагольных форм, которые морфологически (или семантически) схожи с мультипликативами и семельфактивами, как ситуаций, относимых к внутрисобытийному типу предикатной множественности;
2) на основе анализа фактического материала показать специфику русских семельфактивных глаголов-«свертков», подобных *курнуть, тормознуть* (термин В. А. Плунгяна), а также разговорных и сленговых форм *считнуть, читануть* и др.; итальянских конструкций с отглагольными существительными на *-ata* (*nomina vicis*), которые конкурируют с семельфактивными перфективными формами и могут быть сопоставлены с русскими «свертками» (ср. *fare una mangiucchiata di mele* «погрызть / грызануть (разг.) яблок»).

Указанные задачи решались с помощью общенаучных *методов* анализа и синтеза; описательного и трансформационного методов; метода контекстуального анализа, посредством которого была продемонстрирована специфика мультипликативных и семельфактивных глаголов.

Материалом исследования послужили примеры из корпусов итальянского языка CODIS и COLFIS, а также из корпуса переводных интернет-текстов OPUS[2].

[1] В. С. Храковский также выделяет третий, дистрибутивный тип предикатной множественности: в подобных случаях в описываемой ситуации каждый раз задействованы новые участники, ср.: *Иван каждый день решает по задаче.*

[2] CODIS = Corpus di Italiano Scritto «Корпус письменного итальянского языка»; COLFIS = Corpus e Lessico di Frequenza dell'Italiano Scritto «Корпус и частотная лексика итальянского письменного языка», ок. 130 млн словоупотреблений; OPUS доступен по адресу: https://opus.nlpl.eu (дата обращения: 02.09.2024).

ИСТИННЫЕ И «ЛОЖНЫЕ» ИТАЛЬЯНСКИЕ МУЛЬТИПЛИКАТИВЫ И СЕМЕЛЬФАКТИВЫ

В итальянском языке достаточно широко представлены глаголы слабого мультипликативного класса <MP; MP, Q>[1]. Семантически эти глаголы относятся, как и в русском языке (см. ниже), преимущественно к четырем классам: это глаголы физиологической сферы (*tossire – кашлять*, *singhiozzare – икать*), звукового эффекта и речи (*fischiare – свистеть*, *sibilare – шипеть / шикать*), физического воздействия (*pungere – колоть*, *bussare – стучать*) и т. п. В недавних работах, например в исследованиях М. Донаццан и Л. Товены, перечисляются критерии отграничения итальянских семельфактивов от других глагольных классов [Donazzan, Tovena, 2017]. Среди этих критериев, во-первых, уже упоминавшаяся возможность интерпретировать перфективные формы мультипликативных глаголов не только как процессуальные, но и как семельфактивные (2), и «подсчитывать» количество реализованных квантов ситуации в комбинации с обстоятельствами *tre volte* (*три раза*, *трижды*) и др. (3):

2. Mario ha bussato alla porta. – Марио постучал / стукнул в дверь.
3. Mario ha bussato alla porta tre volte, e ad ogni colpo ci siamo spaventati sempre di più. – Марио стукнул в дверь трижды, и каждый удар пугал нас все сильнее.

Употребление процессуального глагола в таком же контексте, напротив, может быть интерпретировано только как повторение ситуации в разных временных отрезках, см. (4):

4. Mario ha stazionato sotto il portone tre volte, e ci siamo spaventati sempre di più. – Марио трижды торчал у нас под дверью, и мы (с каждым разом) пугались все сильнее.

Точно так же сочетание мультипликативных глаголов с наречием *ancora e ancora* (*снова и снова*), выявляющим «внутреннюю многократность» описываемого события, по мнению Д. Кьюзика [Cusic, 1981], можно интерпретировать как описание единичной ситуации, а не ее повторения, что невозможно с процессуальными глаголами, ср.:

Mario ha bussato alla porta ancora e ancora. – Марио стучал в дверь снова и снова.

vs.

Mario ha stazionato sotto la porta ancora e ancora. – Марио торчал под дверью снова и снова.

Наконец, в отличие от достижений (пунктивных глаголов, см. пример 5), мультипликативные / семельфактивные глаголы в итальянском языке не допускают интерпретацию прогрессивной конструкции как описание подготовительного этапа к достижению результата (ES), (см. пример 6):

5. Mario stava arrivando in stazione, quando ha bucato la ruota (= non è arrivato in stazione). – Марио уже почти приехал на вокзал, когда проколол шину (= не приехал на вокзал).

6. Mario stava bussando, quando ho aperto la porta (= ha bussato alla porta). – Марио стучал, когда я открыла дверь (= Марио постучал / стукнул в дверь).

В примере 6 на тот момент, когда дверь открывается, стук в дверь уже звучит – различной интерпретации может подвергаться только количество реализованных ударов, но их не меньше одного.

А. Б. Шлуинский отмечает, что в большинстве языков мира мультипликатив принадлежит к сфере акциональной семантики – описания единичных ситуаций и описания мультипликативных ситуаций различаются семантически, но не морфологически [Шлуинский, 2006]. Впрочем, в рамках данной дискуссии в качестве «классического» примера мультипликативных суффиксов часто упоминаются английские глагольные суффиксы *-er*, *-le* (*patter – постукивать*, *nibble – грызть*), а также итальянские глаголы с суффиксами *-ellare, -icchiare, -iettare, -eggiare* и др. (всего 14 возможных суффиксов), например: *fischierellare* (*свистеть*, *насвистывать*); *morsicchiare* (*покусывать*), *rubacchiare* (*подворовывать*); *fischiettare* (*насвистывать*), *scoppiettare* (*потрескивать*).

Мы полагаем, что подобные глаголы нельзя отнести к мультипликативам, хотя описываемые ими значения, несомненно, относятся к сфере внутрисобытийной множественности: множество подсобытий, которые они обозначают, неделимо и всегда соотносится с единичной ситуацией (см. также: [Tovena, Kihm, 2008]). Например, из сравнения примеров 7 с мультипликативным глаголом *tagliare* (*резать*) и 8 с глаголом *tagliuzzare* (*измельчать*, *кромсать*) следует, что любое событие, обозначаемое глаголом (пример 8), подразумевает множество порезов на яблоке, а не один, как в случае примера 7b. Подобная интерпретация остается неизменной вне

[1] Мы придерживаемся принципов универсальной акциональной классификации и терминологии, разработанных в [Татевосов, 2016], с рядом уточнений для итальянского языка [Лентовская, 2018].

зависимости от того, единичным или множественным является объект действия:

7. Mina ha tagliato una mela. – **a.** Мина порезала яблоко; **b.** Мина резанула (надрезала) яблоко.

8. **a.** Mina ha tagliuzzato una mela. – Мина покромсала яблоко.
b. Mina ha tagliuzzato le mele. – Мина покромсала яблоки.

Описание множества подсобытий перфективной формой таких глаголов не может быть интерпретировано как семельфактив – составляющие таких подсобытий нельзя описать, как кванты мультипликативной ситуации (см. примеры 2; 9–10) по сравнению с примерами 11–12:

9. Mario ha tossito (= un colpo di tosse). – Марио кашлянул.
10. Mario ha tossito alle tre in punto. – Марио кашлянул ровно в три.
11. Mario ha tossicchiato (*un colpo di tosse). – Марио покашлял / покашливал.
12. *Mario ha tossicchiato alle tre in punto. – Марио покашлял ровно в три часа.

Полагаем, что в своей совокупности суффиксальные итальянские глаголы в (примеры 8, 11–12) передают весь спектр значений, морфологическим выражением которых в русском языке является прерывисто-смягчительный способ действия [Исаченко, 1960]. Прежде всего, речь идет о дисконтинуативном и аттенуативном значениях, которые, по свидетельству А. Б. Шлуинского, зачастую совмещаются со значением раритива. В итальянском языке дисконтинуативное событие, такое как *leggiucchiare* (*почитывать*), совершающееся с перерывами во времени, рассматривается как реализация единой ситуации с перерывами, а также с «понижением в качестве / интенсивности» [Шлуинский, 2006, с. 56]. Кроме того, то же событие можно интерпретировать как повторяющееся время от времени (раритивное прочтение):

ha leggiucchiato (почитывал без интереса, не вникая в содержание; «вполглаза», постоянно отвлекаясь; время от времени, не имея привычки регулярно читать);
ha lavoricchiato «подрабатывал время от времени; поработал какое-то время «спустя рукава».

Таким образом, требование семельфактивной интерпретации перфективных форм итальянских дисконтинуативов / аттенуативов не выполняется, поэтому относить их к «истинным» мультипликативам не представляется возможным.

РУССКИЕ МУЛЬТИПЛИКАТИВЫ И СЕМЕЛЬФАКТИВЫ

В русском языке исследования мультипликативных процессов (мультипликативов или «серий») неразрывно связаны с описанием семельфактивов: типологическая особенность славянских языков состоит в том, что в них мультипликативы непроизводны и морфологически ничем не отличаются от обозначения обычных процессов, а морфологически маркированы именно семельфактивы. Как отмечает В.А. Плунгян, в русском языке не «цепь» (серия) собирается из исходных «звеньев» (квантов), а, напротив, «звено» извлекается из исходной цепи посредством ее «редукции» (ср.: *кашлять – кашлянуть*, *кивать – кивнуть* и др.) [Плунгян, 2000].

В 2000-х годах стала активно исследоваться тенденция к образованию *ну*-форм от изначально немультипликативных глаголов. На примере данных из НКРЯ было продемонстрировано, что 88 % мультипликативных глаголов, от которых образуются семельфактивы, относятся к пяти семантическим классам: глаголы (пере)движения (*дергаться, кидать*), физического воздействия (*лягать, колоть*), звукового эффекта (*кричать, гудеть*), речи (*шептать, бурчать*), физиологической сферы (*зевать, икать*)[1]. Представляется, что подавляющее большинство этих глаголов можно классифицировать именно как «серии» (мультипликативы), из которых выделяются «кванты» (семельфактивы). Из наблюдений указанных авторов также следует, что *ну*-формы активно образуются от названий таких непредельных процессов, которым изначально не свойственна «мультипликативная» семантика. Такие формы, как *курнуть, гульнуть, психануть, тормознуть* и др., «описывают некоторую "сокращенную" реализацию исходной ситуации … и представляют собой очень своеобразный вариант словообразовательной перфективации» [Плунгян, 2000, с. 212]. Подобные глаголы-«свертки», в терминологии В. А. Плунгяна, – класс с наибольшим числом новообразований, в том числе разговорных и сленговых.

Данному вопросу также посвящена работа С. Соколовой, в которой на примерах из разговорного русского языка иллюстрируются следующие основные выводы [Sokolova, 2015]:

– количество *ну*-глаголов постоянно увеличивается: подобные формы сосуществуют с приставочными перфективами: *считать*

[1]См. работу: [Makarova, Janda, 2009].

(*сосчитать*) – *считнуть; корректировать* (*скорректировать*) – *корректирнуть*); с делимитативами: *летать* (*полетать два часа*) – *летнуть два часа*, – и массово вытесняют семельфактивные ***с***-формы (*сдурить – дурнуть*);
- растет семантическое разнообразие *ну*-глаголов; такие формы могут образовываться, например, от глаголов «ментальной сферы», семантика которых была охарактеризована как несопоставимая с выделением «квантов»[1], ср.: *корректирнуть, мернуть, ориентирнуться, планирнуть, считнуть* [Sokolova, 2015].

Согласно данным из разговорного русского языка, нашим и собранным в исследовании С. Соколовой [Sokolova, 2015], *ну*-формы образуются также от глаголов, изначально относимых к двупредельным (пример 13) и слабым предельным классам (примеры 14–15):

13. Если же захотите сами ***певануть*** что-то из переводов, то для некоммерческого исполнения моё согласие не нужно[2].
14. Я думаю, этих монеток по пальцам ***считнуть*** можно.
15. Можете в любой момент ***корректирнуть*** показания вашего счетчика.

Возможность интерпретации подобных форм как семельфактивов, а исходных имперфективов как мультипликативных процессов возникает в разговорном русском языке тогда, когда изначально гомогенная ситуация (*петь, считать, корректировать*) представляется как членимая на отдельные, доступные для восприятия фазы, называемые *ну*-формами. С непредельными процессами <P; P>, от которых образуются «свертки», двупредельные и слабые предельные классы глаголов объединяет возможность выражения процесса в перфективе, т. е. обязательное наличие делимитатива, ограничителя во времени гомогенной ситуации. Данную мысль развивает Х. Мелиг, который противопоставляет примеры 16–17 с «нетрансформативными» глаголами НСВ, обозначающими «сложное, членимое действие, проявляющееся в более или менее равномерном и последовательном повторении одинаковых по характеру актов» (мультипликативами) и «одноактными» глаголами СВ, и примеры 18–19, в которых подобные глаголы употребляются «трансформативно» [Мелиг, 1994, с. 598]:

16. Он хлопал / хлопнул что есть силы в ладоши.
17. Мальчик кивал / кивнул головой в знак согласия.

В примерах (18–19) с «трансформативными» употреблениями при глаголах появляются адъюнкты – указание на направление (18) и указание адресата сообщения при глаголе речи (19):

18. Олег нырнул на самое дно озера и нашел потерянное кольцо;
19. Мать крикнула ребенку, чтобы он отошел от собаки.

В таких случаях «глагол на *-нуть* употребляется … не как глагольный сингулятив, а как обычная соотносимая форма СВ[3] к трансформативному глаголу» [Мелиг, 1994, с. 598]. Полагаем, что подобные употребления глаголов следует относить к пунктивному <-; ES> классу (как и бесприставочные глаголы, подобные *улизнуть*), в том числе потому, что процессуальная интерпретация в таких случаях невозможна: ср.: **Смотри, Олег ныряет на самое дно озера и находит потерянное кольцо*.

Из вышесказанного следует, что мультипликативным русским глаголам, допускающим появление адъюнкта или прямого дополнения, доступна пунктивная реинтерпретация. Когда один из квантов мультипликативного процесса (перфективная *ну*-форма) переосмысляется как полноценное событие, осуществленное одномоментно (пунктивное), другие имперфективные и перфективные члены глагольной группы теряют свою процессуально-мультипликативную интерпретацию и тем самым исключаются из данной группы.

Сходный анализ допустим для примеров из разговорного русского языка, подобных примерам 13–15. На наш взгляд, при наличии в таких случаях неквантованных актантов (*певануть что-нибудь из переводов, считануть этих монеток*) также возможны две интерпретации *ну*-форм, предлагаемых говорящим, – трансформативная (ES) и нетрансформативная (Q). При второй интерпретации (Q) исходные процессуальные имперфективные формы «принудительно» интерпретируются говорящим как мультипликативные. Если же в разговорном русском примере (см. пример 20) *ну*-форма употребляется с квантованным актантом, ее предпочтительная трактовка – трансформативная, и в данном случае исходный глагол, как и в примерах 18–19, следует относить к пунктивному <-; ES> классу:

(20) И вот, пока она пирожное уплетала, я ей читанул классный стих из «Шицзин», который выучил наизусть накануне (*А. Житинский. Параллельный мальчик. 1989*).

[1] См. работу: [Makarova, Janda, 2009].
[2] URL: https://www.chitalnya.ru/users/Bukvoljub.
[3] СВ – совершенный вид.

Параллель в итальянском языке обнаруживается в области словообразования. Речь идет о так называемом термине «nomina vicis» (термин из работы: [Donazzan, Tovena, 2017]), который трактуются как морфологическое средство выражения однократного действия, конкурирующее с семельфактивным прочтением перфектива. Рассмотрим подобные формы подробнее.

NOMINA VICIS В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ РУССКИМ ГЛАГОЛАМ-«СВЕРТКАМ»

По свидетельству ряда исследователей, отглагольные существительные с суффиксом *-ata* (*далее* V-ATA; *strizzare l'occhio – dare una strizzata d'occhio – подмигнуть*) в итальянском языке служат для того, чтобы «изолировать сегмент процесса» [Simone, Insacco, 2017, с. 32]. Перифрастические конструкции с опорными глаголами *dare* и *fare* (*chiacchierare – fare una chiacchierata – болтать*; *stirare – dare una stirata – прогладить*) представляют собой варианты соответствующих переходных или непереходных глаголов, призванные подчеркнуть краткость или случайность действия.

Из числа глаголов, от которых можно образовать V-ATA, по данным М. Донаццан, Л. Гаэты, Л. Товены и др., исключаются нединамичные глаголы состояния, а также достижения (*arrivare* «приехать» – **arrivata*) и (частично) свершения (*costruire la casa – построить дом – *costruita della casa*) [Gaeta, 2000; Donazzan, Tovena, 2017] – остаются непредельные процессуальные (пример 21) и мультипликативные (пример 22) глаголы:

21. *nuotare – плавать*:
Gino ha fatto una nuotata. – Джино поплавал.
22. *tossire – кашлять*:
Gino ha fatto una tossita. – Джино покашлял.

В принятой нами терминологии, это означает, что V-ATA образуются только от опорных процессуальных (P) и мультипликативных (MP) глаголов. В том числе, V-ATA можно образовать от глаголов слабого предельного класса <P; P, ES>, таких, как *mangiare* «есть», но только в сочетании с неквантованным актантом, ср. (23 a-b):

23. a. *Gino ha fatto una mangiata dei funghi.
b. Gino ha fatto una mangiata di funghi. –
Джино поел грибов.

Этот факт, на наш взгляд, обнаруживает явную аналогию с функционированием русских глаголов-«свертков» (семельфактивных перфективов Q) только в нетрансформативном прочтении, ср.:

mangiare le mele – есть / съесть яблоки; fare una mangiata di mele – поесть яблок; mangiucchiare le mele – грызть яблоки; fare una mangiucchiata di mele – погрызть яблок; *разг*. грызануть яблок.

Отличной иллюстрацией мультипликативной группы в итальянском языке являются глаголы, от которых образуются V-ATA с т.н. «инструментальным» значением. Речь идет о глаголах, подобных *bastonare – лупить палкой* (*bastonata*); *bacchettare – стучать палочкой* (например, дирижерской) (*bacchettata*) и др., ср. примеры (24–25):

24. **a.** Gino ha bastonato la pignatta, ed è caduta una pioggia di monete. – Джино стукнул палкой по пиньяте, и монеты посыпались из нее дождем.
b. Gino ha dato una bastonata alla pignatta, e il colpo l'ha tranciata di netto. – Джино стукнул палкой по пиньяте и одним ударом расколол ее напополам.

(25) **a.** Gino ha bastonato a lungo la pignatta che sembrava non voler cedere. – Джино долго стучал палкой по пиньяте, которая никак не поддавалась.
b. Gino ha dato una bastonata alla pignatta, ma dopo qualche colpo il bastone si è rotto. – Джино постучал палкой по пиньяте, но через несколько ударов палка сломалась.

Из данных примеров следует, что перифрастические конструкции с V-ATA могут употребляться параллельно как семельфактивной интерпретации перфектива (Q; a), так и процессуальной его интерпретации (P; b). Кроме того, «инструментальные» V-ATA в итальянском языке имеют двоякое прочтение и могут означать результативное воздействие на объект, ср.:

Quella bastonata ricevuta in testa lo mandò in ospedale. – Удар палкой по голове отправил его на больничную койку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исключив из круга мультипликативных ситуаций итальянские глаголы с дисконтинуативной / аттенуативной семантикой, мы приходим к выводу о том, что возможность ограничения гомогенной ситуации через одноактный способ действия (*ну*-форму) в русском и через V-ATA в итальянском существует преимущественно в глагольных группах с опорным мультипликативным глаголом

и выраженным перфективным делимитативом (слабые мультипликативные классы <MP; MP, Q> в обоих языках и ингрессивно-мультипликативный класс <MP; EP, MP, Q> в русском). Сильные мультипликативные группы <MP; Q> в обоих исследуемых языках встречаются редко, представлены глаголами «инструментального воздействия» и в итальянском языке конкурируют с конструкциями с V-ATA. В обоих языках немногочисленные глаголы данной группы переосмысливаются как пунктивные <- ; ES>, если перфективный член группы приобретает событийное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. PhD thesis. Stanford University, 1981.
2. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // От значения к форме, от формы к значению / ред. М. Д. Воейковой. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561.
3. Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности. Организация семантической зоны // Вопросы языкознания, 2006. № 1. С. 46–76.
4. Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016.
5. Donazzan M., Tovena L. Italian -ata event nouns and the nomen vicis interpretation // Italian Journal of Linguistics. 2017. № 29 (1). P. 75–100.
6. Лентовская А. В. Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 14 (809). С. 57–71.
7. Tovena L., Kihm A. Event internal pluractional verbs in some Romance languages // Recherches linguistiques de Vincennes. 2008. № 37. P. 9–30.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава: Издательство Академии наук, 1960. Часть вторая: морфология.
9. Плунгян В. А. «Быстро» в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре / ред. Л. Иомдина, Л. Крысина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–223.
10. Makarova A., Janda L. Do It Once: A Case Study of the Russian -nu- Semelfactives // Scando-Slavica, 2009. № 55. P. 78–99.
11. Sokolova S. “Rabotnul na slavu – gul’ni smelo!”: -NU- as a universal aspectual marker in non-standard Russian // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития / ред. М. Китадзё. Киото: Tanaka Print, 2015. С. 256–262.
12. Мелиг Х.Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке // Revue des Études Slaves, 1994. № 66 (3). С. 595–606.
13. Simone R., Insacco G. Cicli lessicali e polisemia nelle nominalizzazioni. Analisi di un corpus italiano / Studi e saggi linguistici, 2017. № 55 (1). P. 9–46.
14. Gaeta L. On the interaction between morphology and semantics: The Italian suffix -ata // Acta Linguistica Hungarica, 2000. № 47. P. 205–229.

REFERENCES

1. Cusic, D. (1981). Verbal Plurality and Aspect: PhD thesis. Stanford University.
2. Khrakovsky, V. S. (2012). Interaction of grammatical categories: Aspect, Tense, Mood. In M. D. Voejkova (Ed.). Ot znachenija k forme, ot formy k znacheniju = From meaning to form, from form to meaning (pp. 539–561). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury. (In Russ.).
3. Shlujnskij, A. B. (2006). Towards the typology of pluractionality. Organization of the semantic zone. Voprosy jazykoznanija, 1, 46–76. (In Russ.).
4. Tatevosov, S. G. (2016). Glagol’nye klassy i tipologia aktsional’nosti = Verbal classes and Typology of Actionality. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury. (In Russ.).
5. Donazzan, M., Tovena, L. M. (2017). Italian -ata event nouns and the nomen vicis interpretation. Italian Journal of Linguistics, 29 (1), 75–100.
6. Lentovskaya, A.V. (2018). Actional characteristics of Russian and Italian verbs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 14 (809), 57–71 (In Russ.).
7. Tovena, L., Kihm, A. (2008). Event internal pluractional verbs in some Romance languages. Recherches linguistiques de Vincennes, 37, 9–30.

8. Isachenko, A. V. (1960). Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovatskim. Chast' vtoraja: morfologija = Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Part two: morphology. Bratislava: Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.).
9. Plungjan, V. A. (2000). "Bystro" in Russian grammar and in other languages. In Iomdin, L., Krysin, L. (Eds.), Slovo v tekste i v slovare = Word in the text and in the dictionary (pp. 212–223). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
10. Makarova, A., Janda, L. (2009). Do It Once: A Case Study of the Russian -nu- Semelfactives. Scando-Slavica, 55, 78–99.
11. Sokolova, S. (2015). "Rabotnul na slavu – gul'ni smelo!": –NU- as a universal aspectual marker in non-standard Russian. In Kitajo, M. (Ed.), Aspectual Semantic Zone: typology of systems and scenarios of diachronic development (pp. 256–262). Kioto: Tanaka Print.
12. Mehlig, H. R. (1994). Homogeneity and heterogeneity in space and time: on the category of Verbal Aspect in Russian. Revue des Études Slaves, 66(3), 595–606. (In Russ.).
13. Simone, R., Insacco, G. (2017). Lexical cycles and polysemy in nominalizations. Analysis of an Italian corpus. Studi e saggi linguistici, 55 (1), 9–46. (In Italian).
14. Gaeta, L. (2000). On the interaction between morphology and semantics: The Italian suffix -ata. Acta Linguistica Hungarica, 47, 205–229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лентовская Анна Вадимовна
старший преподаватель русского языка
Лингвистического центра Департамента филологии, литературы и языкознания
Пизанского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lentovskaya Anna Vadimovna
Senior Lecturer of Russian
Linguistic Center, Department of Philology, Literature and Linguistics
University of Pisa

Статья поступила в редакцию	19.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	21.10.2024	accepted for publication